

ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЕВРОПА.RU

KWARTALNIK
nr 2/2020 (110)

wydawany w Polsce
od 2003 roku

Cena 5.00 (w tym VAT 8%)
ISSN 1731-2701

Варшавский роман

Интервью с балериной Чинарой Ализаде читайте на стр. 4.

„WINNICE MOŁDAWI”
01-541 Warszawa
ul. Czarnieckiego 63a
tel.: 604 299 679

www.winnicemoldawii.pl

Вина молдавские, грузинские,
армянские и азербайджанские

GRAMOTEJ!

Centrum edukacji
inkluzywnej **GRAMOTEJ**
00-682 Warszawa
ul. Hoża 8
tel.: 882 678 753;

www.gramotej.pl
www.facebook.com/Gramotej

Biuro podróży „Areatour”
90-410 Łódź
ul. Piotrkowska 31, I. 52
tel./fax.: 42 630 80 00
www.areatour.pl

Полный спектр туристических
услуг, визовая поддержка

„Skamiejka”
Rosyjska jadalnia
artystyczna
03-736 Warszawa
ul. Ząbkowska 37/39
tel.: 510 059 477

Русские блюда, концерты,
вечера

Szkoła Języka Rosyjskiego
„Kalinka”
00-554 Warszawa
al. Niepodległości 132/136
pokój 48
tel.: 22 428 10 64
www.rosyjski.edu.pl

alfavit.eu
02-619 Warszawa
ul. A. Wejnera 14/11
tel.: 570 088 787
www.alfavit.eu

Книги на русском языке
в Европе

ARTISANDIMA
00-687 Warszawa
ul. Wspólna 71
tel.: (22) 629 07 57
www.artisandima.com
Fashionstyle

Music Media AM
Al. Solidarności 113d/29
00-140 Warszawa
tel.: 501 249 727

Организация концертов/
фестивалей, студия и реклама:
композиция/аранжировка/
запись

Centrum Języka Rosyjskiego
„Efektywny Rosyjski”
31-525 Kraków
ul. Bohdana Zaleskiego 34/9
tel.: 692 996 825
www.efektywnyrosyjski.pl

ПОДПИСКА / WARUNKI PRENUMERATY

Сделай себе и своим близким подарок – подпишись на *Европа.RU!*

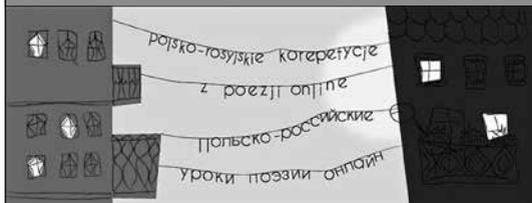
Цена подписки: 4 номера – 30 злотых

Оформить подписку на кварталник „Европа.RU” можно с любого номера. Номер счёта, на который необходимо внести почтовый или банковский перевод (с обязательным указанием точного адреса получателя; не забывайте, пожалуйста, про почтовый код!):

34 1160 2202 0000 0003 0282 5850

KJV Digital Sp. z o.o.

Уроки поэзии

„Польско-российские уроки поэзии онлайн” – такое название получил новый виртуальный проект, в котором польские актёры знакомят польских зрителей с современной русской поэзией, а российские актёры приближают творчество польских поэтов любителям поэзии в своей стране. Эта идея родилась в ситуации, когда был невозможен непосредственный контакт с актёрами и театром. „Уроки поэзии” стали своеобразным

Krystyna Janda

Marina Cwietajewa

мостом между артистами и зрителями из Польши и России. В проекте участвуют выдающиеся актёры, среди которых Ирина Ермолова, Игорь Ясулович, Ольга Телякова, Кристина Янда, Мирослав Бака и Ежи Трела.

А почему именно поэзия? По словам организаторов, именно она сейчас страдает от невнимания. Мы предпочитаем зрелищные формы – кино, театр. Сегодняшний темп

Osip Mandelstam

Kinga Preis

жизни не оставляет времени сосредоточиться на стихах. Во время карантина он резко приостановился, и можно было спокойно несколько минут послушать стихи, читаемые профессиональными актёрами.

Каждый актёр, согласившийся на участие в проекте, мог самостоятельно выбрать наиболее близкие сердцу стихотворения любимых поэтов. Кристина Янда, например, читала Марину Цветаеву, а Ирина Ермолова – Виславу Шимборскую. Kinga Preis выбрала Осипа Мандельштама, а Тимофей Мамлин – Рафала Воячека. Михаил Окунев прочитал стихотворение Юлиана Тувима, а Пётр Гловацкий – Александра Блока.

„Уроки поэзии” идут по понедельникам в 19 часов по варшавскому времени, и в 20 – по московскому, на страницах в *Facebook* Центра польско-российского диалога и взаимопонимания.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

ВАРШАВСКИЙ РОМАН	4
ГОСПОДЬ МЕНЯ УСЛЫШАЛ	8
НАМ МНОГОМУ ПРИШЛОСЬ НАУЧИТЬСЯ	13
НЕ ЖДИ ОТВЕТА, СТАНЬ ОТВЕТОМ САМ!	15
СКВОЗЬ ВРЕМЕНА И НЕВЗГОДЫ	18
ШЕСТНАДЦАТЬ „ДОМАШНИХ” СТИХОТВОРНЫХ СТРОК	24
ПАННА МНИШЕК. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ НА РУССКОМ ТРОНЕ	28
„СЛАДКАЯ” УЛИЦА	32
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГРАЖДАНСТВА К 150-ЛЕТИЮ ИВАНА БУНИНА	36
ДУШЕВНЫЙ АНГЕЛ ПЕТЕРБУРГА	39
ИРКУТСКИЕ ЗАРИСОВКИ	44
ЛЕТО В БАНКЕ	49
УЛЫБНИТЕСЬ!	51

Варшавский роман

Искусство во всех его проявлениях стало спасительной соломинкой, за которую мы ухватились во время вынужденного карантина. Число просмотров оперных и балетных спектаклей, музыкальных трансляций достигали миллионных показателей. В апреле варшавский Большой театр на своём канале YouTube трижды показал запись балетного спектакля „Спящая красавица” П. Чайковского, где главную партию – принцессы Авроры – танцевала Чинара Ализаде. Сегодня заслуженная артистка Азербайджана, первая солистка варшавской балетной сцены Чинара Ализаде наш гость.

Родилась Чинара в Москве. Будучи ещё ученицей Московской хореографической академии, впервые вышла на сцену московского Большого театра. А после победы в 2005 году на международном конкурсе артистов балета (в младшей группе) была приглашена в его балетную труппу. С 2015 года Чинара Ализаде живёт и работает в Варшаве.

Давайте сразу и начнём с интернет-показа. Вам удалось посмотреть эту запись?

Да, и это было так удивительно! Оказалось, что смотреть на себя на сцене даже более волнительно, чем танцевать!

Сейчас уже начались репетиции в балетных залах театра, а как Вы сохраняли форму во время карантина?

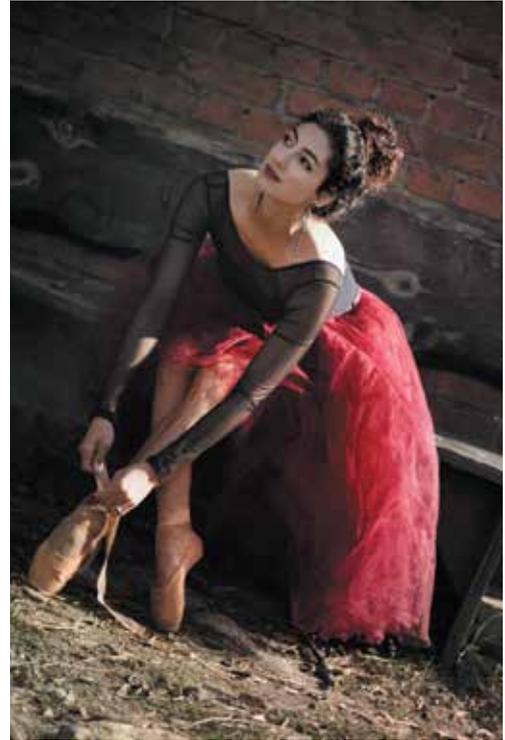
На небольшом куске линолеума, держась за спинку обычного стула вместо балетного станка. Так и тренировалась почти каждый день. Что сказать, ситуация была очень необычная и непривычная... Но сегодня в зале я уже вижу, что мне всё же удалось сохранить неплохую форму.

Когда почти пять лет назад Вы приехали на просмотр в Варшаву, Вы что-то знали уже о Польше?

Нет, ничего. Я даже о театре не слышала. Но так сложилось: от знакомой услышала, что в вашем Большом театре ищут ведущую балерину. И подумала – почему нет? Приехала на три дня. И была приятно удивлена, какой это уютный и вместе с тем европейский город! Это было особенно видно на фоне такого мегаполиса, как Москва. За эти три дня я влюбилась в Варшаву. И с контрактом всё получилось, и труппа мне показалась довольно профессиональной.

Как на это отреагировала ваша довольно большая и творческая семья?

Сначала они были в шоке, ведь решение о переезде я приняла сама. Боялась, что родители будут меня отговаривать. Во-первых, я всю жизнь жила с ними, а во-вторых, я работала в одном из лучших театров в мире, в московском Большом театре... Но когда родители приехали ко мне в гости – они поняли меня. Они тоже в восторге от Варшавы. И Мазуры мы им уже показали....

© Ева Касуцка

© Елена Фетисова

Вы помните своего первого партнёра на варшавской сцене?

Да, я танцевала Китри в „Дон Кихоте”, и моим партнёром был Павел Концевой.

Судя по фамилии, он тоже приезжий?

Да, он из Беларуси. Вообще в балетной труппе сейчас много танцоров из Беларуси, из России. Большинство ведущих солистов – иностранцы.

На Вашей интернет-странице есть восхитительная фотосессия, сделанная в районе Мазурских озёр. Это были только декорации?

Нет-нет, это одно из моих любимых мест в Польше! Помню, первый раз мы туда выехали и попали в район Войново, там была старая деревянная церквушка и помещение бывшего монастыря, там мы и жили. Мой жених, Вальдемар Шмидт, по профессии оператор-постановщик, и фотография – его хобби. Вот мы и решили на фоне живописной осенней природы в нашем любимом месте провести фотосъёмки. Костюмы я подобрала из театра, и мне кажется, они очень вписались в гармонию польского пейзажа.

В одном из интервью Вы признались, что Вашим кумиром с детства была легендарная Майя Плисецкая. А сейчас кто Вам интересен на сцене?

Мне трудно выделить кого-то одного. Сейчас очень много талантливых балерин, у которых мне нравится и техника, и актёрские находки. Ну, если уж нужно назвать, то пусть это будут Диана Вишнева и Полина Семионова.

За что Вы можете быть благодарны Варшавскому театру?

За то количество ролей, которые мне посчастливилось здесь станцевать! За

удовольствие работать с директором балетной труппы Кристофом Пастером. Сначала мне пришлось даже потрудиться над своим телом, над техникой передачи эмоций, ведь язык его пластики неоклассический, то есть классика, смешанная с современным танцем. За то, что мне удалось на этой сцене станцевать роль Алины в балете британского хореографа Уэйна МакГрегора „Хрома”. В Польше также исполнилось одно из моих давних желаний – станцевать Никию в спектакле „Баядерка” в хореографии Наталии Макаровой. А ещё я благодарна Варшаве, что она подарила мне возможность станцевать роль Маргариты в „Даме с камелиями” в постановке Джона Ноймайера. Я даже представить не могла, что когда-нибудь со мной это случится!

Вы уже задумывались над тем, чем хотели бы заниматься, когда уйдёте со сцены?

Конечно, и я уже сейчас готовлюсь к этому. Мне нравится учить детишек, передавать им свой опыт и свои знания. У меня есть индивидуальные ученики, ежегодно я даю мастер-классы в Варшаве и в городах Испании. Многие дети имеют прекрасные данные для балета, но не знают, как ими воспользоваться, и я им в этом помогаю. Когда я вижу, как загораются их глазки, я понимаю, что мне это нравится всё больше и больше.

Большое Вам спасибо за возможность живой встречи, а не в режиме онлайн, и за ту радость, что Вы дарите польским ценителям балета. Мы желаем Вам, чтобы Ваш роман с Варшавой длился как можно дольше!

Ирина Корнильцева

Фото из личного архива Чинары Ализаде

Господь меня услышал...

Когда-то, в далёком 2006 году (ER N 35), мы рассказали вам историю, похожую на рождественскую сказку. А точнее, её поведала нам Алена Мазаева-Ясин из небольшого городка Поланец Свентокшиского воеводства. О своей дружной творческой семье и о первых пяти годах жизни в Польше после переезда из Симферополя. Вот так мы познакомились с художником Александром Ясин.

Саша, что произошло в Вашей жизни за это время?

Самое главное – это рождение моего второго сына и доченьки! Господь меня услышал, ведь я всегда хотел иметь много детей. Ещё мы получили польское гражданство. Старшему сыну уже 18 лет и мы планировали по случаю его совершеннолетия выпить пару кружек

чешского пива в Чехии, но пандемия изменила наши планы...

Мы помним, что он с малых лет проявлял интерес к краскам, Вашим работам...

Да, он в своё время учился рисованию, на его счету даже несколько выигранных конкурсов, но сейчас он выбрал другое направление, учится в краковском лицее

на гуманитарном отделении. Но любовь к живописи осталась у него как хобби. А ещё он любит фото- и киносъёмки. Первая его фотосессия была очень трудной – это было на нашем с Аленой венчании в Крыму.

Служба в церкви началась в 7 утра и длилась почти 8 часов. И он всё это время что-то снимал. Согласитесь, что для семилетнего ребёнка это было нелёгким испытанием... Но несколько хороших фото всё же получилось.

Ваша супруга Алена тоже не избежала художественного влияния? Когда-то её работы были в числе призёров на биенале Свентокшиского воеводства среди непрофессионалов...

Сейчас она занимается тремя детьми с раннего утра до полуночи. Её главный девиз: „Нам бы ночь простоять и день продержаться!” Когда я остаюсь с детьми сам – понимаю, что тяжелее работы нет! Но в будущем году мы снова планируем совместные выставки.

Вот мы и перешли к творческой жизни. Как она протекала эти годы?

За эти годы мои выставки прошли по всему миру. Мои акварели выставлялись в Москве, в городах Италии, Болгарии, Чехии, Словакии, Германии, во Вьетнаме... Я стал членом Польской федерации акварелистов, которая является частью европейской организации *IWS*. За плечами у меня уже более 100 авторских выставок. На этот год тоже были большие планы, но ситуация с пандемией заставила их оставить „на потом”. С одной стороны, вроде бы появилось больше времени для творческой работы, а с другой – очень сильно ударило по семейному бюджету...

Как художнику пришлось адаптироваться к неожиданно возникшей ситуации?

Мне кажется, что на плаву остались только те художники, которые уже несколько лет назад начали продвигать себя в социальных сетях. Но развитие в интернет-обществе не так просто, как кажется на первый взгляд. Нужно серьёзно вкладываться в рекламу, а если этим заниматься самому, то не останется времени на саму работу. Во многих европейских странах художники получили безвозвратную помощь. В Польше, к сожалению, всё остановилось на обещаниях.

Чего Вам больше всего не хватало во время карантина?

Когда не было возможности выйти на длительную прогулку, особенно остро не хватало общения с природой. Сейчас гораздо ярче и острее чувствуется, насколько прекрасно весеннее небо, птичий гомон, лужи на асфальте...

Какие выводы Вы сделали из периода только виртуального общения с миром?

Да, я с этим столкнулся не только как художник, но и как педагог: я преподаю рисунок и живопись в нашем центре культуры. Пришлось срочно перестраиваться на новый формат. Но я всё равно не понимаю, как можно через онлайн

общение передать ощущения, восприятие окружающей тебя обстановки в мастерской, её запах, чувство при замесе краски на палитре? Это не возможно при виртуальном контакте. Это нужно чувствовать, со-созерцать.

Мы уже видим, что больше всего от „заточения“ пострадали люди именно творческих профессий: музыканты, актёры, художники... Как Вы считаете, их роль в нашей жизни изменится?

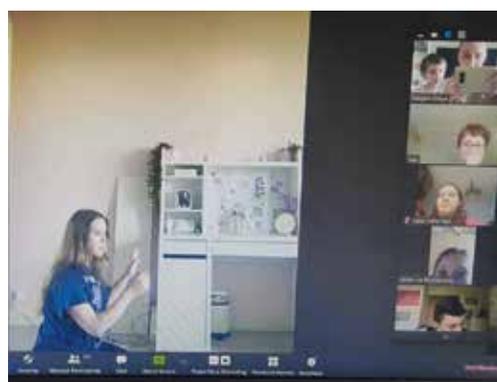
Мне кажется, профессия художника сегодня очень важна как раз для того, чтобы пробудить в человеке понимание прекрасного, чтобы через созерцание познать самого себя и Бога. Некоторые критикуют реализм, говоря, что рисовать ёлочки, берёзки и стожки – банально. Но суть станковой живописи отнюдь не сводится к изображению этих ёлочек, берёзок и стожков. Художник помогает человеку обратить внимание на красоту вокруг – и возможно, немножко „притормозить“, задуматься и поразмышлять о смысле нашей жизни. Мне хочется, чтобы человек вот эту непреходящую, невероятную красоту мира чувствовал ежечасно, ежеминутно...

К сожалению, сегодня культивируется единообразие и обезличивание, ведь именно для этого создаётся всемирная цифровая платформа. Но ведь культура не может быть однородно-безликой! Искусство должно быть живым.

То, что сегодня происходит с нами, – не случайно. Весь мир борется с биологическим вирусом, но мне кажется, что этот „вирус“ – в нас самих. Возможно, пройдя через это испытание, мы снова потянемся к настоящему...

*Беседовала Ирина Корнильцева
Фото из личного архива семьи Ясин*

Нам многому пришлось научиться

Этот разговор проходил ещё во время карантина с помощью спасительной платформы ZOOM, которая на два с половиной месяца заменила нам живое общение. Как выживал в этих условиях детский и молодёжный актёрский коллектив? Об этом мы поговорили с руководителем варшавского театра-школы ArArt Марией Штых.

Машенька, как Вы и Ваша театральная труппа живёте-поживаете?

По-другому, конечно, но довольно интересно! Пришлось осваивать новый формат обучения актёрскому мастерству, хотя, не скрою, изначально я была против – ведь театр существует только на базе личного общения, актёры должны чувствовать друг друга! Как говорил Станиславский, должно быть лучеиспускание, лучевосприятие... Но когда мне начали писать родители: „Маша, что ты сидишь? У нас проходят онлайн занятия по акробатике и даже по синхронному плаванию!”, мне пришлось сдаться. И у нас всё получилось!

Как выглядели ваши встречи?

С младшей группой работать оказалось легче – для них это была больше игра. Мы сочиняли разные истории, читали стихи, а ко Дню ребёнка к 1 июня мы подготовили целую программу, где дети читали стихи о детях. Они вместе с родителями искали интересные для себя стихи у классиков и современных поэтов. Потом снимали это на телефон и ролики присылали мне. Теперь мы это всё смотрим и подарим им на

память о том, что происходило с нами этой весной.

А с подростками оказалось сложнее?

Да, у них у каждого своё отношение к карантину. Я вижу, что они растеряны, потеряны... И мне приходилось придумывать упражнения на снятие эмоционального напряжения: мы занимались стоя, сидя, работая над пластикой тела. Мы начали изучать систему актёрского мастерства Иваны Чаббак – американского актёрского тренера, педагога Бреда Питта и Роберта Де Ниро. Ребята были очень удивлены, узнав, что бабушка Иваны из Киева, и она из такой же семьи эмигрантов, как и семьи большинства из них.

Я видела на Facebook, что вы читали с ними стихи поэтов Серебряного века?

Да! Каждый из них готовил понравившееся стихотворение. Представляете, сколько им пришлось прочитать и какие имена для себя открыть?! Хотя меня несколько удивил их выбор – довольно пессимистичный. Видимо, наложила отпечаток сама ситуация, это закрытие в четырёх стенах. Видно уже, что это не

пройдёт для них бесследно... Вы знаете, после трёх месяцев мы встретились с моей подругой, с которой общались ежедневно онлайн, и у меня было такое ощущение, что это какой-то фильм, снятый в 3D.

Как Вы думаете, чему научились дети?

Они научились ждать... ждать... В их глазах я видела ожидание: ну когда же?

А чему Вы научились как педагог?

Не злиться. Ты же ничего не можешь сделать. Ты видишь, что они балуются перед экранами, но нужно найти слова, чтобы через экран донести до ребёнка свою мысль. Ведь экран не пропускает наши чувства...

А как мама? Чему Вы научились?

Принимать то, что есть и подстраиваться под ситуацию. Вы даже не представляете, что происходило с моим гипер-общительным сыном: у него забрали всё. Театр, где он играл. Садик, где были друзья. У него осталась одна я, потому что папа был на работе. И как тут сохранить душевное равновесие, когда ты не можешь объяснить маленькому ребёнку, почему он не идёт в садик, почему нельзя на улицу? И эта проблема была у большинства родителей, которым пришлось стать родителями на 24 часа. Ведь раньше многие из них были больше водителями: отвезти ребёнка туда, забрать оттуда...

Год назад Вы вспоминали о новом театральном проекте, но уже для взрослых. Но всё как-то не складывалось. А во время карантина у вас вдруг начались репетиции...

Да, мы вместе с Еленой Голосий и Владимиром Громовым решили создать от-

крытое театральное пространство „За гранью”. Мы долго работали над выбором пьесы, потом над сценарием, и когда всё было готово, вдруг объявили карантин. И мы принимаем решение, что будем ставить спектакль в режиме онлайн, но уже не с любителями, а с профессиональными актёрами! И мы объявили кастинг среди русскоязычных актёров. В течение двух недель мы набрали исполнителей всех ролей, которые нам были нужны. А пьеса, скажу я Вам, просто шикарная! Уильям Сароян „Пещерные люди”. Отлично подходит под сегодняшнюю ситуацию. У нас получается теперь что-то новое: кино-спектакль, который будет существовать и в версии онлайн, и на живой сцене.

Недаром говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло!

Когда мы готовили номер в печать, пришло сообщение, что театр-школа АрАрт начала работу в прежнем режиме. Они опять встретились — десятки мальчишек и девчонок, влюблённых в театр, и их увлечённый педагог, Мария Штых. Творческих вам успехов!

Ирина Беляева

Не жди ответа, стань ответом сам!

Имя Татьяны Репиной (псевдоним Татьяна Грига), поэта и писателя из сибирского города Томска, уже известно нашим постоянным читателям – встреча с ней на страницах нашего журнала произошла в 2016 году.

За эти годы Татьяна издала книжки рассказов для детей и взрослых „Мона, Лизка и другие”, „Как воронёнка научили летать”, а также стала соавтором уникального подарочного краеведческого издания „Кулайская культура. Путешествие к истокам загадочного народа таёжного края”. А ещё Татьяна ведёт популярные в городе авторские культурные проекты-долгожители „Читаем вслух” и „Искренне Ваш, Чемодан историй!”.

Татьяна, раньше Вам не была свойственна поэзия на злобу дня, а в последних Ваших работах слышим о неустойчивом мировом равновесии, хрупкости человеческих связей и судеб, предчувствии глобальных потрясений... Вот например, это стихотворение:

*Всего лишь птица, уронив перо,
Над нами пролетела, вспомни это!
И вновь уже рулетка на zero
Поставлена, разыграна планета,
Как в казино, где в покер, где в бильярд.
Перо упало, и воздушных линий
Потоки слились в мощный авангард,
Куда-то мчащийся допотопный ливень.
Ещё нам только грезится потоп,
Но где-то, знаем мы, перо упало,
И равновесие ушло, и надо, чтоб
Мир сохранить, по паре тварей стало,*

*Чтоб Ной родился, чтобы вырос лес,
В ковчег который позже превратится,
Чтоб птица, уронив перо с небес,
Смогла в гнездо однажды возвратиться.
Наш шаткий мир, дыханием согрет,
Едва баланс Вселенной сохраняет.
И с ужасом мы ждем парад планет,
И где-то птица вновь перо роняет.*

Стремительно изменяющийся мир, когда старое уже не работает, а новое ещё мало понятно и пугает своей неопределённостью, – вот те реалии, в которых сегодня живут все страны. И люди, вне зависимости от географии, теряются в

догадках о грядущем. Специалисты и эксперты всех мастей путаются в прогнозах и оценках будущего. Мировые новости эпохи пандемии – как сводки с войны о ежедневных потерях, о завоёванных невидимым врагом территориях, о слабой готовности имеющихся систем эффективно противостоять „коронаванному” противнику. Поступающие новости столь противоречивы, что устаёшь им верить. Зато появляется стойкое ощущение, выражаемое старой поговоркой „кому – война, а кому – мать родна”. Именно эти чувства мне хотелось выразить в стихотворении „SN201bars – сверхновая звезда”. Прочту фрагмент:

*Планета падает в минус,
Нам хотелось бы – в плюс.
Многих волнует вирус,
Кого-то – всего лишь флюс.
В игры играет статистика –
Манипулятор массами.
И нет никакой мистики
В лицах, прикрытых масками,
В патрулях на дорогах,
В закрытых дверях кофеен,
В теле-единогорах,
Вангующих теле-феях.*

Что Вы почувствовали в тот момент, когда перепуганная Европа, а вслед за нею и Россия, стали закрывать границы, срочно эвакуировать (вы только подумайте, как это было названо!) своих граждан из других стран, объявлять карантин и режимы изоляции?

Я думаю, что тревога за жизнь и здоровье близких стали главными. В какой-то момент пришло осознание того, что самое большое, что от человека в этой ситуации требуется, – быть рядом с теми, кто больше всего нуждается в его поддержке.

Что бы ни было, в своей парадигме ты прав.

Даже если героики ноль и на ноль больше прав.

*Даже если дверь заперта, и потерял ключ.
Даже если кто-то сказал, что мозги твои глючат.*

Что бы ни было, безбрежен мир во все стороны.

Даже если устал в ожидании победной войны.

Даже если всё проиграли, но всё же остались живы.

Даже если парад выстроен не по твоему ранжиру.

Что бы ни было, ледниковый – всего лишь период.

Даже если споткнулся, держись за перила.

Даже если держаться не за что, всё равно держись.

Даже если умирает кто-то, это всё равно – жизнь.

Что бы ни было, ночью – луна, а днём – солнце.

Даже если затмение, даже если без дна колодцы.

Даже если ничто и ни в чём не отражается.

Даже если взгляд со взглядом уже не встречаются.

Что бы ни было, всегда есть то, что в твоей власти.

Даже если некому чинить обветшалые снасти.

Даже если остров чуждой, безлюдный, и полная задница.

Даже если ты Робинзон, я – твоя Пятница.

Татьяна, как Вы думаете, каким в итоге выйдет мир из глобальной вирусной катастрофы? Как изменятся международные отношения?

Наверное, это большая удача – стать свидетелем таких перемен в мировом устройстве. Но на наших глазах меняется и система частных человеческих взаимоотношений, невероятным испытаниям подвергаются устойчивые вчера ещё и зыбкие ныне морально-этические нормы. Мы видим, как легко человек отказывается от прав и свобод, как терпимо относится к их нарушению, как сам становится приверженцем всевозможных социальных ограничений и не задумывается о последствиях этого. Об этом моя „Молитва на день грядущий“:

*Упаси меня, Боже, от синдрома
стокгольмского!*

*Научи не оправдывать действие злое,
Удержи мои стопы от поверхности
скользкой,
Силы дай быть в согласии прежде –
с собою.*

*Помоги не хулить, не стяжать,
не сдаваться!
Помоги стать опорой тому, кто слабее.
Покажи мне меня без прикрас, без оаций,
Отлучи от меня искусствителя-змея!*

*Подари мне, Всевышний, красоту покаяния
За ошибки, грехи, слепоту и тщеславие!
До того, как случится моё предстояние,
Не лишай меня воли, не лишай меня
здравия!*

*Я готова пройти все твои испытания.
Знаю, всё, что ни дашь, мне по силам.
Боль ослабь от ненужных терзаний!
Помоги мне любить всё, что раньше
любила.*

*Помоги мне любить, даже там, где нет
места*

Ни покою, ни радости, ни благодати!

*Помоги мне любить и нести этот крест
свой,*

*Просто ради любви, вплоть до финишной
даты...*

Кому-то Ваше поэтическое слово может показаться пессимистичным...

Возможно, на первый взгляд мой герой и выглядит растерянным, но отнюдь не беспомощным. И даже больше, он призывает читателя искать опору в себе! Ведь сказано же в первом послании Коринфянам: „Испытания, которые вам придётся перенести, это обычные человеческие испытания. Бог верен! Он не допустит испытаний, которые были бы вам не по силам, и к тому же во всяком испытании Он даст и выход из него, и силы для его преодоления“:

Не жди ответа, стань ответом сам!

Всё есть в тебе: твой свет и твои тени.

Мой милый, „Надо верить в чудеса!“ –

Пел юный бард, и не было сомнений,

Что где-то Грей найдёт свою Ассоль,

Что алый парус правда гордо реет,

Что часто жизнь – всего лишь чей-то сон,

И ни тебя, и ни меня тот сон не греет.

Не жди ответа, стань ответом сам!

Ожукливает гусеницу кокон,

Чтоб трепетная бабочки краса

*Вдруг промелькнула в створках чьих-то
окон.*

Не опирайся, стань опорой сам!

Есть силы, верь в души источник,

Что наполняет ветром паруса,

И древо жизни вновь замиροточит.

Не жди ответа, стань ответом сам!

Подготовила Ирина Корнильцева

СКВОЗЬ времена И НЕВЗГОДЫ

Мир как-то резко остановился, замер на момент. Это было очень необычно, ведь у нас у всех было много планов на завтра, на месяц... А тут нам всем сказали „стоп!“. Я всегда любил ходить на концерты, ездить на встречи с любимыми артистами в разные города и страны. Но вот границы закрыты. Самолёты не летают. Не ходят поезда... Своё увлечение музыкой пришлось перенести в виртуальное пространство, где случайно наткнулся на частный канал на *YouTube*, на котором каждый вечер в 8 часов меня ждал концерт „с доставкой на дом“. Владелец канала оказался большим любителем русской пианистической школы, обладающим уникальной коллекцией записей сотен исполнителей. И вот однажды он поставил запись Владимира Софроницкого. То, что я услышал, показалось мне необычным, и я решил узнать о пианисте чуть больше. Меня ожидало немало сюрпризов!

Оказалось, что Владимир Софроницкий не побеждал на международных конкурсах, его титулы скромны, но его имя стоит в одном ряду с именами Владимира Горовица и Сергея Рахманинова. Им восхищались Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович. Софроницкий – пианист утонченного романтического стиля, пользовался особым расположением публики, которое никакими официальными наградами не завоеуешь.

Варшавское детство

Родился он 8 мая 1901 года в Петербурге в семье педагога-физика. В 1903 году отца переводят по службе... в Варшаву, и семья оказывается в столице Царства Польского. Именно здесь мальчик начинает заниматься фортепиано с Анной Васильевной Лебедевой-Гецевич, ученицей самого Николая Рубинштейна.

Об этих занятиях отец Володи, Владимир Николаевич Софроницкий, пишет в своих воспоминаниях: „Гецевич была замечательной учительницей...

Она сразу почувствовала в ребёнке редкое музыкальное дарование, сумела развить природное влечение и интерес к музыке и в течение двух лет самым внимательным образом вела занятия, строго наблюдая за каждым шагом, следя за всякой мелочью... Работа каждого пальца, каждого мускула руки не ускользала от её внимания, и она настойчиво добивалась устранения всякой вредной неправильности в игре. Обучение сразу пошло на лад, мальчик схватывал без всякого труда объяснения, с первых же дней занятий стал её любимейшим учеником и сам горячо полюбил её уроки”.

На вечере учеников А. Лебедевой-Гецевич в 1910 году мальчик первый раз выступил публично. Музыкальный мир Варшавы понял, что перед ними будущий виртуоз.

Одно из сохранившихся воспоминаний того времени: в Варшаве юный Володя играет на рояле, из соседней комнаты выходит видный мужчина и начинает предлагать ему темы для импровизаций

Фотографии варшавского периода

– „дождик”, „вьюга”, „солнце”... И мальчик тут же импровизирует. Позже выяснилось, что это был поэт Александр Блок, приехавший навестить своего отца, преподавателя Варшавского университета.

Вскоре Анна Васильевна решает показать своего воспитанника известному преподавателю Варшавской консерватории Александру Михаловскому. Профессор долго отказывался, говорил, что с маленькими не занимается. Но когда услышал игру Володи, воскликнул: „Но я же не предполагал, какое здесь дарование! Такого ученика я не могу не взять!”

Вот так Володя Софроницкий стал членом варшавской профессорской „шайки” учеников, в которую входили среди прочих Ванда Ландовская, Владислав Шпильман, Ежи Журавлёв, Генрих Нейгауз.

Известный в те годы польский пианист Иосиф Турчинский, услышав игру нового ученика Михаловского, приходит в восторг и оставляет в альбоме начинающего пианиста запись: „Талантливейшему и милому товарищу ...по искусству с искреннейшим и сердечнейшим

пожеланием воздержаться возможно дольше от концертной деятельности, а работать умно, дабы укрепить свои силы и дух для великих задач искусства”.

В 1913 году семья возвращается в Петербург, но ещё в течение года мальчика ежемесячно возят в Варшаву для продолжения занятий музыкой.

Становление и жизнь на сцене

В 1916 году Владимир Софроницкий поступает в Петроградскую консерваторию в класс фортепьяно профессора Леонида Николаева, где среди его однокурсников были Дмитрий Шостакович и Марина Юдина, Владимир Горовиц и Симон Барер. С последним он даже сыграл два концерта. Одновременно Владимир посещает и класс композиции Максимилиана Штейнберга, ученика Н. Римского-Корсакова.

Первые шаги на профессиональной сцене Владимира Софроницкого пришлось на время более чем трудное для классической музыки. В Европе бушевала эпидемия „испанки”. В большевистской России ещё шла кровавая, бесчеловечная гражданская война. Уже был расстрелян Николай Гумилёв, открывший список „врагов народа” среди творческой интеллигенции. Сергей Рахманинов навсегда покинул Россию., Через полгода уедет из России и Фёдор Шаляпин.

Но несмотря ни на какие невзгоды зал Петроградской консерватории на концерте Софроницкого был переполнен! Вот как вспоминают это очевидцы: „Выходит бледный высокий юноша, скромно кланяется, садится за рояль и несколько минут остаётся неподвижным, с опущенной головой. Красивый взмах рук, и он начинает сонату Листа.

Он играл среди войны, разрухи, голода, отчаяния, страха...”

„Мне было тогда восемнадцать лет, я играл с каким-то особенным подъёмом. Так играешь один раз в жизни, это врезается в память”, – скажет он позже музыковеду Александру Вицинскому.

Через два года, в 1921 году, когда умирал не нужный новой власти Александр Блок, Софроничский даёт свой первый концерт в Москве в Малом зале консерватории. Начинаются гастроли в Одессе, Саратове. А в 1928 году он уезжает поч-

ти на два года за границу. По дороге в Париж играет один концерт в Варшаве, который критики того времени назвали сенсацией, и встречается со своим учителем профессором Михаловским.

В Париже его концерты тоже проходят с огромным успехом. Там Владимир знакомится с Сергеем Прокофьевым и Николаем Медтнером. Дружбу с ними он сохранит надолго. В то же время в Париже находился другой русский композитор – Александр Глазунов, который так откликнулся на его игру: „Это один из самых замечательных молодых русских пианистов. Его игра отличается артистической зрелостью, совершенной техникой, проникновенностью, экспрессией и звучностью. Я не боюсь утверждать, что перед ним открывается большая артистическая будущность”.

В 1930 году Софроничский возвращается в Ленинград. Это уже не тот экзальтированный, бурлящий экспрессией пи-

Здание Варшавской филармонии и программа концерта В. Софроничского в Варшаве 20.04.1928

анист. Он уходит ...вглубь музыки. Он ищет то, что идёт на смену юношеской непосредственности. Из воспоминаний его коллеги, знаменитой пианистки Марии Юдиной: „Однажды поздно вечером, почти ночью, посетили меня Мейерхольды – Всеволод Эмильевич и Зинаида Николаевна – с Владимиром Владимировичем Софроницким. Он был в некоем бурном состоянии духа и сразу оторвал ручку плохо закрывавшейся двери моего жилища на Дворцовой набережной; жилище было не топлено, к чаю ничего не было (время для меня сложилось трудное), но мы все четверо были безмерно рады друг другу, каждый рассказывал о себе, своих постановках, концертах, надеждах и катастрофах. За окнами блестела Нева во льду, на нас участливо глядели громадные зимние созвездия. Среди ночи, долго просидев,

они все ушли; мы были счастливы – они в славе, я в очередной опале. Никто ничего не мог предвидеть, что случится потом...То была одна из фантастических встреч меж нами, людьми, нелицемерно преданными искусству...”

Конец 1930-х годов. Аресты, приговоры, расстрелы, этапы – массово, масштабно, промышленно. Софроницкий отвечает тоже масштабно: объявляет цикл из 12 концертов, призванных вместить три века фортепианной музыки – от Баха до молодого ленинградского композитора Гольца. 12 вечеров между декабрём 1937 и апрелем 1938 он заклинал хаос, будто пытаясь музыкальным действием прекратить его. Музыка оказалась бессильна. А потом была война...

Софроницкий вместе с блокадными ленинградцами пережил всё, что им

Портрет В. Софроницкого, авт. Пётр Кончаловский

было отпущено суровой судьбой. Но и там, среди холода, голода, бомбёжек, в окружении смерти он играет свою музыку: „В зале Александринки было три градуса мороза. Слушатели, защитники города, сидели в шубах. Я играл в перчатках с вырезанными кончиками пальцев. Но как меня слушали и как мне игралось!..”

В марте 1942-го умирает его отец. В течение месяца Софроницкий не мог его похоронить – у него просто не было сил. А в апреле Владимира, полуживого, вывозят в Москву, где через несколько дней он опять играет – сольный концерт в зале им. П. Чайковского.

Он остаётся в Москве и начинает преподавать в Московской консерватории. Вот как помнит то время его ученица Ольга Жукова: „Красивая внешность, стройная фигура, точёные, точно высеченные из мрамора и в то же время необычайно живые выразительные руки, – всё гармонировало с его красотой, душевным богатством. Тёплая обстановка, царившая в нашем классе, способствовала тому, что все мы были дружны между собой, в консерватории постоянно держались стайкой и интересы у всех были общие. ...Уходя с урока, мы только и думали: как бы поскорее наступило время следующего урока! Студенты других классов называли нас в шутку „софроничками”, но мы не обижались...”

Природа наградила Владимира Софроницкого щедро: огромным талантом, добрым сердцем, красивой душой и замечательной внешностью. Не было только здоровья, подорванного ленинградской блокадой. Начались сердечные приступы, из-за которых он часто отменял концерты, а порой вынужден был уходить со сцены, не доиграв задуман-

ного. Последний концерт Софроницкий дал 7 января 1961 года в доме-музее Александра Скрябина. Среди других пьес была „Трагическая поэма” самого композитора, которая оказалась и его Реквиемом.

Его тело покоится на Новодевичьем кладбище. Рядом со Святославом Рихтером, Львом Обориним, Генрихом и Станиславом Нейгаузами, Сергеем Прокофьевым и Дмитрием Шостаковичем.

Послесловие

Каждому настоящему музыканту рояль отвечает особым, неповторимым звуком. Но если многими пианистами просто восторгались, то игра Софроницкого вызывала недоумение: как он может извлекать такие звуки, как он заставляет рояль так слушаться себя и так звучать? И где же найти слова, чтобы описать, как именно звучит рояль? Можно было только восторгаться. Пианист Станислав Нейгауз говорил: „За несколько дней до концерта Софроницкого в меня поселялась радость, я считал дни, оставшиеся до его концерта”.

Вот так шурушащие временем записи были воскрешены моим новым знакомым при помощи современных технологий передачи звука. Эта удивительная история, возможно, и не открылась бы нам, если бы не случилось сегодняшнего „заточения”, которое откликнулось прекрасной музыкой Софроницкого. Спустя 110 лет после первого публичного концерта маленького Володи, который здесь, в Варшаве, начинал свой музыкальный путь.

Ион Мельник

Фото из открытых интернет-источников и личного архива

Шестнадцать „домашних“ стихотворных строк

Эта песня – одно из самых трогательных и мелодичных музыкальных произведений, созданных в советскую эпоху. Написанная почти восемь десятилетий назад, она не выходит из репертуара многих современных исполнителей, и не только в России.

И мой концертный опыт тому подтверждение. Выступая в Гданьске, Кракове, Августове, Зелёной Гуре, в Варшаве да и в любом другом городе, я вижу живой отклик слушателей на песню „В землянке“.

Автор слов поэт Алексей Александрович Сурков (1899–1983) родился в деревне Середнево Ярославской губернии в обычной крестьянской семье. Уже с двенадцати лет мальчик служил „в людях“ в Санкт-Петербурге. Потом работал в столярной мастерской, типографии, весовщиком в порту...

После службы в армии работал в библиотеке, а также сельским корреспондентом в уездной газете. В мае 1928 года Алексея направляют делегатом на I Всесоюзный съезд пролетарских писателей, и он остаётся работать в Москве.

Первые стихи молодого автора публиковались ещё в 1918 году в петроградской „Красной газете“ под псевдонимом, но сам Сурков началом своей поэтической деятельности считает 1930 год, когда вышел его первый сборник стихов „Запев“.

После окончания факультета литературы Института красной профессуры Сурков защищает диссертацию и начинает преподавать в Редакционно-из-

дательском институте и Литературном институте Союза писателей. Одновременно он работает и в журнале „Литературная учёба” под руководством Максима Горького.

В 1940–1941 годах он был главным редактором журнала „Новый мир”. После начала войны Сурков уходит добровольцем на фронт и служит военным корреспондентом.

Осенью 1941 года жестокие бои с гитлеровскими захватчиками развернулись вдоль Волоколамского шоссе. Это направление стало одним из главных в битве под Москвой. На этот участок фронта были приглашены военкоры, в числе которых прибыл туда и комиссар Алексей Сурков. Под деревней Кашино танковая дивизия гитлеровцев окружила и отрезала штаб полка от батальонов.

С наступлением темноты командиры приняли решение вырваться из окружения. Под плотным миномётным

огнём солдатам, офицерам и репортёрам удалось перебраться по льду местной речки на другую сторону и пересечь минное поле.

Кто выжил – разместились в землянке. Давали о себе знать нечеловеческое напряжение и усталость. Некоторые засыпали, даже не доев на скорую руку приготовленный суп. Промёрзший, в посечённой осколками шинели Сурков всю оставшуюся ночь просидел над своим блокнотом у солдатской железной печурки.

Репортаж не удавался... Слова сами собой складывались в рифму: „Бьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза...”.

Вернувшись на следующий день в Москву, поэт дописал письмо в стихах своей супруге Софье Кревс, которая находилась вместе с двумя детьми в эвакуации в городе Чистополе. Озаглавленное строкой: „Тебе – солнышко моё!”,

письмо полетело в тыл обычным солдатским треугольником.

Сурков вспоминал: „...я написал письмо жене, которая жила тогда на Каме. В нём было шестнадцать „домашних” стихотворных строк, которые я не собирался публиковать, а тем более передавать кому-либо для написания музыки...”.

Это стихотворение могло так и остаться частью личной переписки. Однако судьбе было угодно иначе. В феврале 1942 года из эвакуации приехал композитор Константин Листов, назначенный старшим музыкальным консультантом Главного политического управления Военно-Морского Флота.

Один из создателей советской массовой песни Константин Яковлевич Листов (1900–1983) родился в еврейской семье в Одессе. Родители были цирковыми артистами, поэтому семья часто переезжала из одного города в другой.

Мальчик также принимал участие в цирковых представлениях. В пять лет началось его обучение игре на мандолине. Рано проявив музыкальную одарённость, юный Листов получил профессиональное образование в училище Русского музыкального общества в Царицыне, которое он закончил в 1917 году.

В 1919 году Листов едет на учёбу в Саратов. Он закончил консерваторию как пианист и композитор, совмещая учёбу с работой в Театре миниатюр в качестве дирижёра и пианиста. В 1923 году молодой музыкант перебрался в столицу. Здесь он писал музыку для нескольких театров. Листов был блестящим пианистом, а с 1930-го года прославился и как композитор-песенник. С 1938 года он возглавил Московский театр оперетты.

Итак, в феврале 1942 года в поисках текстов для песен Листов обратился во фронтовую редакцию к Суркову с просьбой – не найдётся ли „что-нибудь, на что можно написать песню”? Но „чего-нибудь” не оказалось...

Из воспоминаний Суркова: „И тут я, на счастье, вспомнил о стихах, написанных домой, разыскал их в блокноте и, переписав начисто, отдал Листову, будучи абсолютно уверенным в том, что хотя я свою совесть и очистил, но песни из этого лирического стихотворения не выйдут. Листов пробежал глазами по строчкам, промычал что-то неопределённое и ушёл. Ушёл, и всё забылось.”

Но через неделю композитор появился в редакции, попросил у фотографа Михаила Савина гитару и спел свою новую песню „В землянке”. Песня всем понравилась. Листов ушёл. А после ужина уже Савин попросил текст и спел „Землянку” под гитару. И всем сразу стало ясно, что песня „пойдёт”, если её мелодия запомнилась с первого исполнения.

На этой „премьере” присутствовал и писатель Евгений Воробьёв, который работал тогда в газете. Он попросил Листова записать мелодию песни. Нотной бумаги под рукой не оказалось – Листов разлиновал обычный лист бумаги и записал ноты на нём. Воробьёв и Савин отправились в редакцию „Комсомольской правды” с этим листом и гитарой.

Воробьёв рассказывал: „Мы ...показали „Землянку”. На этот раз пел я, а Михаил Савин мне аккомпанировал. Песня очень понравилась, и её тут же приняли для публикации в газете...”.

В архиве редакции „Комсомольской правды” сохранился номер газеты за 25

марта 1942 года, в котором впервые была напечатана песня „В землянке” – слова и мелодическая строчка. Так уж вышло, что публикация эта оказалась едва ли не единственной в первые годы войны.

После публикации в газете песня „пошла” в народ, по всем фронтам и по стране – от Севастополя до Ленинграда, аж до Полярного круга. „Землянка” пользовалась любовью на всех фронтах и особенно у воинов, воевавших под Москвой. Песню исполняли солдаты, фронтовые творческие коллективы, одним из первых – Леонид Утёсов. Вошла „Землянка” и в репертуар знаменитой Лидии Руслановой, которая записала песню на грампластинку вместе с „Синим платочком” в августе 1942 года.

Песня, полюбившаяся бойцам, попала в немилость партийным органам. „Блудителям фронтовой нравственности” не понравились слова „а до смерти – четыре шага”. По их мнению текст звучал слишком пессимистично, в то время как творчество в военные годы должно быть направлено на поднятие боевого духа. И вообще тут излишний лиризм.

От Суркова просили и даже требовали, чтобы про смерть он вычеркнул или „отодвинул” её подальше от окопов. Поэт отказался что-либо менять – из песни слов не выкинешь. Дочь Суркова вспоминала, что отец во время одного из застолий возмущался: „Люди поют: *„Мне в холодной землянке тепло / От твоей негасимой любви”*, – а у меня написано – „от моей”!”. На это жена ответила ему: „Вот, Алёшенька, народ тебя и поправил”.

Летом 1942 года на песню был объявлен негласный запрет. В августе были изъяты и почти полностью уничтожены грампластинки с записью песни в ис-

полнении Лидии Руслановой. Был наложен запрет на трансляцию песни по фронтовому радио, а также на её исполнение.

Но вскоре, под натиском возмущённых писем с фронта – бойцам была понятна бессмысленность таких требований – власти вынуждены были снять запреты. В армейском архиве поэта сохранилось письмо, подписанное шестью гвардейцами-танкистами.

После добрых слов в адрес песни и её авторов, танкисты высказали едкое пожелание: „Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, – мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти”.

Песня Суркова и Листова выстояла и продолжила своё триумфальное шествие. И для торжествующих советских воинов-победителей песня „В землянке” в исполнении Лидии Руслановой прозвучала у стен поверженного Рейхстага и у Бранденбургских ворот.

В деревне Кашино под Москвой на месте той самой землянки 1941 года установлен памятный знак песне, которой суждено было стать первой лирической песней из созданных во время Великой Отечественной войны, войны, где верность и любовь оказались сильнее смерти.

В чём же секрет „Землянки”? Мне кажется, в том, что она затрагивает самые главные струны в душе любого человека. Она о вечном – о жизни и смерти, о страхе и о чувстве, дающем силу этот страх преодолеть, – о любви, в которой и заключается смысл жизни.

Фаина Николас

Панна Мнишек.

Девять дней на русском троне

Польская дворянка Марина Мнишек процарствовала всего девять дней, но успела войти в историю. Во-первых, была она первой коронованной царицей на Руси. Хотя брак Марины с царём Дмитрием, более известным как Дмитрий Самозванец, был заключён по воле её отца, со временем полька обрела большую самостоятельность и даже попыталась стать независимым игроком на российской политической сцене.

Как дошло до союза польской аристократки и Лжедмитрия? Дело в том, что отец Марины – воевода сандомирский Ежи Мнишек – был человеком амбициозным и жаждущим власти и денег (последнее неудивительно, ведь расточительный Ежи был в долгах как в шелках). Когда в 1604 году в Речи Посполитой появился некий Григорий Отрепьев, выдававший себя за чудом уцелевшего царевича Дмитрия, убитого сына Ивана Грозного, воевода решил воспользо-

ваться ситуацией. Лжедмитрий мечтал взойти на трон и находился в поисках союзника. Мнишек предложил Отрепьеву своё посредничество у польского короля. Взамен за эту услугу Лжедмитрий обязался жениться на Марине и оказать будущему тестю материальную помощь, источником которой была государственная казна России.

План увенчался успехом, и Отрепьев оказался в Кремле с царской короной на голове. Теперь оставалось лишь женить-

Марина Мнишек и Дмитрий

ся на Марине, в которую Лжедмитрий успел влюбиться во время своего пребывания в Польше. Польша отправилась в Москву из своего замка в Самборе.

Тем временем Москва готовилась к торжественному въезду царской невесты. Царь лично утвердил каждую деталь церемонии, которая состоялась 2 мая 1606 года. По приказу царя специальные вестовые ездили по всей Москве и передавали городским жителям требования монарха. Москвичи должны прекратить свои ежедневные занятия, надеть праздничные костюмы и пойти приветствовать свою будущую правительницу. Владельцам лошадей приказано было отправиться на церемонию верхом. Высокопоставленные чиновники облачились в украшенные золотом и жемчугом одежды, на конских спинах находились позолоченные или посеребренные седла. Каждого государственного сановника сопровождала дюжина празднично одетых слуг.

Дмитрий инкогнито подъехал к палатке, где должна была состояться церемония, и лично проинструктировал войска,

как им следует приветствовать его будущую жену. В Москве также находились посланцы короля Сигизмунда III, который передал Мнишек в подарок золотую посуду. Оказываемые Марине почести и её предстоящая коронация вселили гордость в сердца пребывающих в столице поляков. Её „въезд в Кремль приобрёл почти символическое значение: Россия у ног польки!“.

Дмитрий понимал, что его подданные были возмущены католическим вероисповеданием своей будущей царицы. Неудивительно, ведь православная церковь предостерегала об опасностях, возникающих из-за контактов с иноверцами.

Марина въехала в Москву в великолепной карете, украшенной по бокам серебряными царскими гербами. Вёзшая польку восьмёрка великолепных турецких лошадей была подарена Дмитрием. На улицах были построены временные триумфальные ворота.

Вдоль маршрута Марины стояли тысячи москвичей, многие из которых взбирались на колокольни, дома и деревья, чтобы получше рассмотреть цар-

Заспичное обручение Марины и Дмитрия в Кракове в 1605

скую невесту. Во всех церквях били в колокола.

Когда шествие вошло на Красную площадь, Марину приветствовал ансамбль, состоящий из семидесяти трёх трубачей. Их игра была настолько громкой, что сопровождающие Марину стрельцы еле сдерживали напуганных лошадей.

Шум утих только тогда, когда Марина оказалась в Вознесенском монастыре, где её ожидали Дмитрий и его мать Марфа. Их встреча была трогательной, а царь не мог сдержать слёз, увидев Марину после нескольких месяцев разлуки.

А как относилась к нему панна Мнишек? Оказавшись в Москве и узрев великолепие царского двора, она начала смотреть на своего будущего мужа другими глазами: из просителя, нуждающегося в помощи её отца, молодой человек превратился в правителя Русского царства. Это, несомненно, придало ему оча-

рования в глазах амбициозной Мнишек. Можем предположить, что особо её впечатлил золотой царский трон, украшенный 600 бриллиантами, 600 рубинами и 600 сапфирами.

Мать Дмитрия, будущая свекровь, отнеслась к невестке по-доброму и даже благословила брак сына с католичкой, не дожидаясь официального одобрения православной церкви.

Свидетелями прибытия Марины в монастырь были тысячи жителей столицы, которые были удивлены её худобой и невысоким ростом (шептали, что их царь женится на ...,«подростке»»). Её волосы не были заплетены в косы, как это делали русские женщины. Если при выборе европейской одежды и причёски Марина ожидала, что её внешний вид произведёт впечатление на отсталых москвичей, то она жестоко ошибалась.

Москвичи были недовольны выбором своего молодого царя. О враждебности

по отношению к польке свидетельствуют их злобные комментарии. Жители столицы говорили, что „она не отличалась ни красотой, ни женском обаянием”, а её тонкие губы свидетельствовали о „гордыне”. Враги называли Марину „еретичкой” и „язычницей”. Священники требовали покрестить „царскую девку”. Также Дмитрий допустил некоторые ошибки, например, женившись в четверг, то есть в день, когда православная церковь запрещала заключать браки.

18 мая 1606 года в Успенском соборе состоялось венчание Марины и Дмитрия. Монарх надел усыпанные жемчугами и драгоценными камнями одежды. Наряд Марины был компромиссом между Востоком и Западом, достигнутым в результате долгих и трудных переговоров. Чтобы угодить своим новым подданным, молодая царица была в наряде в русском стиле – красное бархатное платье с широкими рукавами, отделанное бриллиантами, рубинами и жемчугом, а также кожаные туфли. Но в то же время она подчеркнула свою культурную обособленность, украсив голову в соответствии с польскими традициями и вплета в волосы жемчуг.

После свадьбы и коронации состоялась торжественная церемония уложения жены в постель мужа. Молодая царица вошла в спальню в присутствии бояр, затем подружки невесты подвели её к брачному ложу. Затем в комнате появился Дмитрий и лёг рядом с женой. Бояре, однако, оставались в помещении, дабы подтвердить, что брак между Мариной и Дмитрием состоялся.

Этот варварский обычай был обычной практикой в правящих семьях Европы (в Англии он имел место ещё и в XVIII веке). Новобрачные не восприни-

мали подглядывание как нарушение их личного пространства, когда бояре выстроились у их постели. Для создания иллюзии интимности над кроватью опустили фиолетовые шторы. После любовного акта жених громко объявил: „Брак состоялся”, и гости покинули спальню. Во время брачной ночи из кольца Дмитрия выпал алмаз, который – несмотря на интенсивные поиски – не был найден, что сочли также плохим знаком.

Но русской царицей Марина пробыла всего девять дней. Новоявленный царь Дмитрий был свергнут князем Василием Шуйским и убит. Марине опасность не угрожала, ведь она была иностранной подданной, и Шуйский опасался реакции польского короля. Свергнутую царицу отправили в ссылку в Кострому. Когда появилась возможность вернуться в Польшу, Марина отказалась. Причиной тому было желание вновь обрести власть, и свергнутая царица готова была сражаться за корону. Однако восьмилетняя борьба за русский трон закончилась и для неё насильственной смертью...

Виолетта Верницка

Полный текст о судьбе Марины Мнишек можно прочитать в книге Wiernicka V., Polki, które rządziły Kremlem, Bellona, 2018

„Сладкая” улица

Из общей истории страны можно выделить историю города, из истории города – историю одной улицы, из истории улицы – историю одного здания, в котором протекает история одного человека. Рассматривать историю городских сооружений отдельно от человеческих судеб невозможно. Сегодня я предлагаю посвятить нашу прогулку истории одной варшавской улицы – Медовой.

Не самая длинная улица в столице – 26 домов и чуть более 1000 метров протяжённости – когда-то имела другие названия: Пжечная, Капуциньская, Наполеона. Может потому, что на ней в XVII веке селились кондитеры из Торуня, а может, ещё и потому, что в середине XIX века здесь открыл свою кондитерскую Карл Ведель, но название Медовая прижилось.

Современный вид улица приобрела в XVIII веке. В Королевском замке в зале Каналетти висит картина, на которой запечатлена улица Медовая в XVIII веке. Отличий найдётся немного – художник изобразил её с той стороны, которая не сильно пострадала и была восстановлена после войны.

По Медовой Ярослав Ивашкевич прогуливался с Константином Паустовским,

Александр Блок провожал тело своего отца на православное кладбище. На эту улицу губернатор Варшавы Сократ Старинкевич приезжал покупать чай. Да и царевич Константин Павлович тоже гарцевал по брусчатке Медовой.

Наше путешествие я хотела бы начать с дворца Браницких, расположенного в доме номер 6. Но сначала лучше заглянуть на улицу Сенаторскую. Там мы увидим дворец Малаховских. Он имеет сразу два адреса: Сенаторская, 11 и Медовая, 2. Дворец был построен около 1731 года для Иосифа Бенедикта Лупы, бургомистра Варшавы. 20 лет спустя владельцем стал великий канцлер Ян Малаховский, переделав дворец по проекту Якуба Фонтанны под барочный стиль. В 1939 году дворец сгорел, но его восстановили в конце 40-х.

Улица Медовая в 30-е годы XX века и сегодня

А сейчас вернёмся к дворцу Браницких – когда-то одному из самых красивых дворцов города. В XVII веке на этом месте находилась резиденция рода Сапегов, но в XVIII веке участок выкупил Стефан Браницкий. Дворец был возведён в 40-х годах XVIII века для Яна Клеменса Браницкого, великого коронного гетмана, в позднебарочном стиле.

В конце XVIII века дворец был резиденцией Изабеллы Понятовской, сестры короля Станислава Августа. Но нам будет интересен другой владелец – Станислав Солтык, являющийся представителем польской ветви известного российского дворянского рода – Солтыковых. Дворец был им куплен в 1817 году и на протяжении всего XIX века часто перестраивался.

Напротив дворца Браницких возвышается дворец Краковских бискупов. Строительство начали в 1622 году для Якуба Задзика – краковского бискупа. Здание потеряло свою крышу во время войны со шведами, но в 1688 году отстроено заново. В 60-х годах XVIII века дядя уже известного нам Солтыка – бискуп Каэтан Солтык – затеял перестройку. Дворец был двухэтажный – именно его можно увидеть на том самом полотне Каналетти в Королевском замке. Как раз благодаря этой картине удалось восстановить дворец после войны.

За Дворцом бискупов открывается красивая перспектива, многие используют это место как смотровую площадку и место, где можно сделать панорамные фото. Когда-то здесь было здание, построенное в 1774 году для банкира Петра Теппера архитектором Эфраимом Шреэгером. Это был трёхэтажный жилой каменный дом с магазинами на первом этаже. Ещё в 1939 году там можно

было купить дамское платье, шляпки; часть дома занимал лечебный кабинет. После войны от дворца осталось левое крыло, но и оно пало жертвой строительства тоннеля. Решение оценочной комиссии было не в пользу дворца – иначе бы тоннель был на несколько метров длиннее и имел более крутой поворот. Сейчас здесь мы увидим только каменную балюстраду и резкий спуск вниз – к тоннелю.

Дворец Млодзёвских на Медовой, 10 требует особого внимания. Первый дворец на этом месте был построен в XVII веке. В 1766 году он принадлежал пшемысльскому епископу Анджею Млодзёвскому. Архитектор Якуб Фонтана дворец расширил – добавил боковые пристройки в форме крыльев, присоединённых с помощью аркадной галереи, поддерживающей террасу. В 90-х годах XVIII века во дворце проживал командующий российским гарнизоном Осип Игельстром. Именно это привело к значительным разрушениям здания во время Варшавского восстания 1794 года – оно было атаковано польскими войсками под командованием Яна Килиньского.

В начале XIX века его отстраивают уже в стиле классицизма для Феликса Потоцкого, а со стороны ул. Подвале пристраивают два флигеля. Второй раз дворец восстановили уже в 1957 году по проекту Бориса Зинсерлинга.

Адрес Медовая, 16 интересен тем, что здесь расположен монастырь и костёл Украинской католической церкви византийского обряда. Нынешняя церковь была построена в 1782–1784 годах вместе с монастырём Успения Пресвятой Богородицы. В период разделов Польши монастырь ликвидировали, а костёл в 1875 году был передан православной

церкви. В 1932 году – храм взял на себя роль греко-католического прихода. Почти напротив расположился костёл Преображения Господня – возведённый в конце XVII века в барочном стиле.

Чуть далее вниз по ул. Капуцинской был и монастырь, построенный одновременно с костёлом в 1683–1694 гг по инициативе короля Яна Собеского в знак выполнения обета за победу в битвах под Хотимом и Веной. На закладке краеугольного камня присутствовал сам король и королева Марысенька.

Стоит присмотреться к архитектуре костёла: фасад разделён пилястрами на высоком цоколе и увенчан треугольным фронтоном, где размещён герб Собеского. Костёл получил разрешение от Папы декорировать мозаикой карнизы. А добиться разрешения было сложно! Если спуститься в королевскую часовню, то мы увидим саркофаг с сердцем Яна III Собеского.

Дворец Паца на Медовой, 15 был построен в 1681–1687 годах в стиле барокко по приказу Доминика Миколая Радзивилла и до начала XIX века с двумя короткими перерывами принадлежал этой семье. Во дворце часто гостил король Станислав Понятовский. Именно около него 3 ноября 1771 года было совершено на него покушение барскими конфедератами. Во время восстания Костюшко дворцу не повезло – он получил сильные повреждения, а в период прусской оккупации Варшавы в его стенах разместили казармы и лазарет. Новую жизнь дворец получил в 1825 году, когда его купил генерал Людвиг Пац, перестроив его в классическом стиле на основании проекта Генрика Маркони, который достроил боковые крылья со стороны Медовой и соединил их полукруглой трехаркадной оградой. Во внутренней части дворца были созданы Готический и Мавританский залы. Но

после ноябрьского восстания, в котором участвовал Пац, дворец конфисковали, а интерьер переделали по проекту Стефана Балицкого.

Дворец варшавских архиепископов расположился по адресу Медовая, 17/19. В середине XVII века на его месте находился деревянный двор великого маршалка Литвы Александра Илария Полубинского. В 1732 году был построен дворец по проекту уже известного нам Якуба Фонтанны в стиле позднего барокко, помимо этого был разбит французский парк. На месте демонтированной надворной постройки был установлен ажурный забор с четырьмя столбами. Ворота украшены вазами в стиле рококо.

В конце XVIII века дворец перестроили для коронного канцлера Яна Борха в классическом стиле, увеличив на два этажа центральную часть застройки. В начале XIX века в нём был открыт ресторан и отель *Europa*. Дворец был сожжён во время Варшавского восстания, но его восстановили в 1949–1954 гг. в стиле позднего барокко-классицизма XVIII века. После реконструкции дворец стал резиденцией Примаesa Польши.

Адрес Медовая, 19 когда-то был очень популярен. Здесь располагались склады известного в то время товарищества „Шумилин”, организованного в 1840 году. Фирма занималась продажей китайского чая, самоваров, чайной посуды и приборов для чайных церемоний. Когда улицу Медовую продлили до Краковского предместья, фирма получила адрес Медовая, 25. Недалеко располагались тоже чайные склады, но братьев Машковых.

Последний адрес, который нас интересует – Медовая, 24. Это здание *Col-*

legium Nobilium принадлежало высшей школе *Collegium Nobilium Scholarum Piarum*. Её основал в Варшаве в 1740 году Станислав Конарский. В школе обучались дети магнатов и богатой шляхты. Теперь здесь находится Театральная академия им. Александра Зельверовича. Здание несколько раз перестраивалось под конкретные нужды.

Первоначально было выстроено в стиле барокко с богатым дизайном интерьера и фасада, но было перестроено в стиле польского классицизма в начале XIX века по проекту Антонио Кораци.

История улицы Медовой продолжается. Когда-то, до XVIII века, это был загруженный тракт на Торунь, в XIX веке здесь велась оживлённая торговля, в XX по ней ходили трамваи и троллейбусы. Она то укорачивалась, то удлинялась, в конце концов приобрета современный облик.

Сейчас это спокойная улица, прекрасно подходящая для неспешных прогулок по Варшаве.

Светлана Агошкова
Фото автора

Человек без гражданства

К 150-летию Ивана Бунина

Кандидатура Ивана Алексеевича Бунина на Нобелевскую премию по литературе номинировалась несколько раз. Но лауреатом этой премии он стал только в 1933 году после выхода романа „Жизнь Арсеньева“. В решении Нобелевского комитета было отмечено: „За строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы“.

Бунина считают самым выдающимся среди писателей первой волны эмиграции, когда из России после 1918 года начали выезжать сотни тысяч беженцев, осевших на чужих берегах. Происходил он из обедневшей дворянской семьи, чьи предки выехали с территории Великого Княжества Литовского ещё в XV веке. Состоял в родстве с известным российским поэтом-романтиком Василием Жуковским. Дружил с Чеховым, жил у него некоторое время, развлекая его своими шутками, а когда их не хватало, то читал Чехову его же рассказы, доводя автора до приступов смеха.

В истории русской литературы Бунина называют преемником Чехова, так и

не принявшего жанра соцреализма. Для ранней прозы Бунина характерен субъективизм повествования и лиризм описания. Действие вытесняется размышлениями о человеческой судьбе, а главным героем становится личность автора. Переломным моментом, когда о его прозе начали говорить как о зрелой, стал рассказ „Антоновские яблоки“, вышедший в 1900 году. А уже на следующий год он получает самую престижную литературную награду дореволюционной России – Пушкинскую премию. А потом ещё дважды: в 1903 и 1909 годах.

Если вы читали бунинские рассказы, то наверняка, запомнили его лирические описания природы и мастерское описание многообразия любовных чувств. Помните? „Солнечный удар“, „Грамматика любви“ или „Митина любовь“?

Трепетно относившийся к своему главному писательскому инструменту – русскому языку – Бунин очень тяжело переживал и так до конца и не принял орфографическую реформу, прошедшую в России в 1918 году. „Никакое слово без твёрдого знака не стоит на обеих ногах, – писал Бунин, – и „лес“ без „яти“ теряет весь свой смолистый аромат“.

Варшавский след в творчестве Бунина появляется ещё в повести „Дело корнета Елагина”, сюжетной основой которой послужило судебное дело об убийстве в Варшаве артистки Марии Висновской корнетом Александром Бартевым.

В Варшаве Бунин был несколько раз, но всё проездом. В его первом заграничном путешествии из Варшавы „улетели” две почтовые открытки: одна с видом на костёл Св. Яна в Варшаве, на второй был изображён Карчувицкий монастырь. Было это 12 и 13 октября 1900 года. Затем писатель бывал в Варшаве проездом в ноябре 1912 и в декабре 1913.

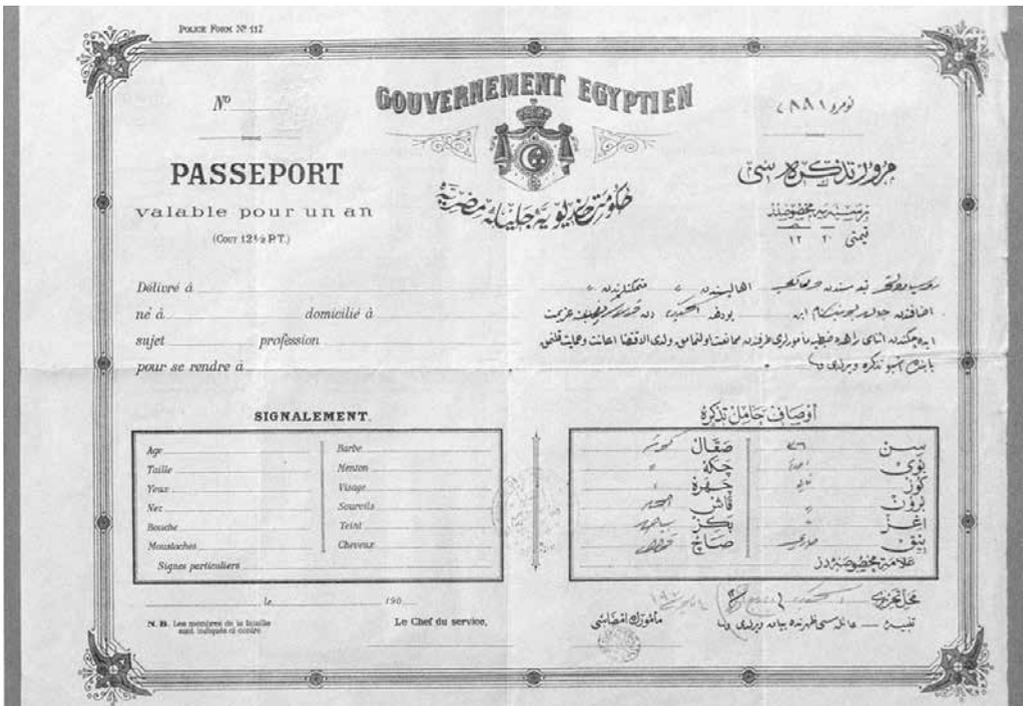
После объявления о получении Буниным Нобелевской премии началась подготовка к его публичным лекциям в городах стран Балтики, а также в Варшаве, но в последний момент они были отменены. Хотя его секретарь в своём

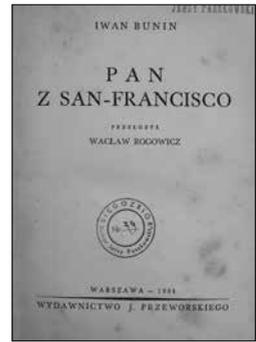
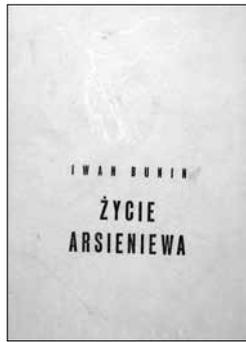
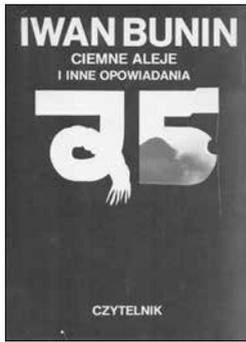
дневнике пишет, что лекции состоялись в 1933 году, однако никакой подтверждающей информации найти так и не удалось.

После выступления в Стокгольме на церемонии вручения премии Иван Бунин сразу же уехал в Париж, не заезжая для публичных выступлений ни в прибалтийские страны, ни в Польшу. Судя по дневникам, Бунин в Польше после 1914 года уже не был. Одной из причин отмены встреч было то, что Варшава отказала в выдаче въездной визы Ивану Бунину.

Большая часть наследия Ивана Бунина переведена на польский язык. Например, повесть „Суходол” перевёл ещё в 1912 году Ярослав Ивашкевич. Но вот автобиографический роман „Жизнь Арсеньева” был переведён только в 1965 году. „Окаянные дни” в Польше были изданы в 1988. Его камерные рассказы

Египетский паспорт И. Бунина. Размер 51х51 см. Находится в музее И. Бунина в Орле

прекрасно „вписались” в постановки телевизионного театра и радиоверсии театра Польского Радио.

В теле- и радиоархивах хранятся записи спектаклей по рассказу „Наталья” и „Ночью на море”, которые были созданы трижды: в 1991, 1997 и в 2007 годах, а „Чистый понедельник” – в апреле 1993 года, „В Париже” – в 1992 году. В 1997 году радиослушатели получили возможность услышать радиоспектакль „Все ещё жду”. Радиоспектакль „Галя Ганская” выпускался дважды – в мае 1992 года и в декабре 2006.

Кроме самих произведений писателя в театре Польского Радио в ноябре 1982 года прошла премьера радиоспектакля по произведению Тересы Калиньской и Кристины Кановник „Иван Алексеевич Бунин” о жизни самого писателя, а роль

Бунина сыграл Юлиуш Бергер. В 2016 году вышла книга польской писательницы и переводчика Ренаты Лис „Во льдах Прованса. Бунин в изгнании”, которая была номинирована на несколько литературных наград в Польше.

Бунин ушёл из родительского дома в 17 лет, но так до когда жизни не приобрёл своего собственного – всегда жил в съёмных квартирах или комнатах. Его России с дворянскими усадьбами, о которой писал по памяти благодаря своим запискам и зарисовкам, будучи в эмиграции, уже не было, а новую он не принял. Как не принял и гражданство Советской России, так и оставшись человеком без гражданства.

Светлана Агошкова

К 130-летию Ивана Бунина в Ягеллонском университете на факультете русского языка и литературы прошла первая конференция, целиком посвящённая жизни и творчеству писателя. Все рефераты, кроме одного, были подготовлены на русском языке. Они были собраны в сборник „Иван Бунин и его время”.

В текстах Бунина мы не найдём частых упоминаний польской темы. Но это не означает, что его ничего не связывало с Польшей. Наоборот! Бунин охотно подчёркивал своё далёкое польское происхождение, ссылаясь на то, что один из его предков был поляком, некий Симеон Бунковский. Эта семейная легенда переходила из поколения в поколение и привела к тому, что писатель в кругу семьи просил называть его не Иваном, а Яном. Увлечение польской культурой заставило Бунина начать учить польский язык, чтобы в оригинале читать Мицкевича, сонеты которого он потом переводил.

Душевный ангел Петербурга

Этой весной жизнь в Петербурге, как и в большинстве городов нашей планеты, замерла. Опустели проспекты и улицы города, закрыты парки, в том числе и Измайловский сад. Но один „посетитель” парка всё это время так и продолжает, примостившись на спинке лавочки и прикрывшись зонтом, под тенью распутившихся деревьев внимательно читать свою умную книжку. Не зная, что жизнь его создателя, художника Романа Шустрова, скоропостижно унесла нынешняя эпидемия.

Среди жителей Петербурга бытует прекрасная легенда, что город охраняют три ангела, образуя „золотой треугольник”. Один ангел венчает шпиль собора Петропавловской крепости, другой – Александрийскую колонну на Дворцовой площади, а третий – величественный купол Церкви великомученицы Екатерины на Кадетской линии. Этот треугольник соединяет в единое духовное целое главные районы города – Петроградскую сторону, центральную часть города и Васильевский остров.

Гуляя по городу, можно встретить и других, не менее известных крылатых хранителей города. Это крылатая Ника в колеснице Славы арки Главного штаба на Дворцовой площади. Бронзовые ангелы на балюстраде главного купола великолепного Исаакиевского собора и ряд ангелов со светильниками с атрибутами христианства в руках. Ангелы на куполах католического и лютеранского храмов на Невском проспекте. Две парные крылатые статуи богини победы Ники на Конногвардейском бульваре, переданные в 1845 г. Николаю I прус-

ским королём Фридрихом Вильгельмом IV в качестве ответного подарка за пару знаменитых клодтовских коней с Аничкового моста.

В Александровском парке в жаркий июньский день можно оросить себе лицо целебной водой из фонтана „Колодец ангелов”, а на скате крыши консульства Литвы – заметить забавного ангелочка, свесившего белые ножки с чёрными пятками. И даже улетая из этого неповторимого города на Неве, мы можем помахать на прощанье зависшим под сводом терминала аэропорта „Пулково” ангелам с крыльями от совре-

менных самолетов из серии художника Дмитрия Шорина *I believe in angels...*

Но нашей целью сегодня является Измайловский сад на набережной реки Фонтанки, где на спинке садовой скамейки, съёжившись под зонтом от вечно морозящего петербургского дождика, скромно примостился с книгой в руках самый душевный ангел Петербурга – кукольная скульптура Романа Шустрова. Бронзовая фигурка сегодня стала одним из символов города.

Эта удивительно трогательная композиция стала одним из лауреатов городского конкурса и была установлена в 2012 году.

Возле скамейки размещена табличка со словами автора: „Скульптура „Петербургский ангел” посвящена старикам из моего ленинградского детства, носителям особенной душевной культуры и интеллигентности. Эти старики, пережив все невзгоды первой половины XX-го века (гражданскую войну, голод, сталинские репрессии, блокаду, потерю родных и друзей) сохранили в себе оптимизм. Они восстанавливали наш город из руин. Это удивительное поколение, пройдя через невероятные испытания выпавшего на их долю сурового времени, приобрело мудрость, свойственную возрасту, но каким-то чудом сохранило юношескую непосредственность, жизнерадостность и живой интерес к людям. К сожалению, этот образ почти исчез из нашей жизни. Но детство каждого из нас было украшено встречами с этими добрыми стариками.”

Шляпа, шарф, пальто, книга и зонт – неотъемлемые атрибуты старичка-петербуржца. Казалось бы, какой уж небесный покровитель из этого скромного, доброго и улыбающегося человечка,

который, сторбившись, словно извиняется за столь лестный титул? И только крылья за спиной свидетельствуют о его истинной сущности. Величие ангела – в силе его духа, мудрости и излучении света. Возможно, именно этот волшебный свет и притягивал к нему ежедневно множество горожан и гостей города, превращая Измайловский сад в место настоящих паломничеств. Начищен до блеска „на счастье” нос ангела, хоть сам автор и сожалел, что паломники не натёрли до блеска книгу в его руках.

По словам петербургской художницы Екатерины Посецельской, Роман Шустров – редкий художник, который вкладывал в свои работы душу и создавал их по-доброму детскими. „Когда человек вкладывает в работу свою душу, его душа там живёт, и это всегда видно. Его ангел – живой.” С ним можно сфотографироваться, посидеть рядом, поговорить. „А с ангелом на шпиле попробуй поговори...” – как верно заметил автор.

В Любашинском парке на Охте сидит на лавочке, трогательно свесив ножки, ещё один ангел работы Романа Шустрова – судя по внешнему виду, внук ангела-старичка из Измайловского парка. Шумит рядом с ним каскад фонтанов, а он пытается защитить себя и нас от грядущего цивилизационного прогресса, внимая тишине внутри себя...

Размноженная и уменьшенная бронзовая фигурка Петербургского ангела разлетелась по всему миру. Старичок-ангел нашёл пристанище в частных коллекциях в России, в Европе, Америке, Австралии, Новой Зеландии.

Являясь родоначальником жанра кукольной скульптуры в России, Роман Шустров активно занимался его развитием. Чем же отличается декоративная

Петербургский ангел в Измайловском саду

Охтинский ангел-внук в Люблинском саду

Придворный сфинкс

кукла от кукольной скульптуры? По его словам, „кукольная скульптура балансирует между декоративной куклой и скульптурой, как цирковой эквилибрист на канате. От куклы в ней – лёгкая шаржированность образа, кукольные соотношения размеров тела, материалы, цвет. От скульптуры – стабильная форма, жёсткая поверхность, конкретная поза, пластика, которую придаёт персонажу художник и которую нельзя изменить.”*

Добрые куклы Романа Шустрова украшают многие витрины и кафе в Санкт-Петербурге. Их также можно найти на различных временных выставках, на которых царит поистине сказочная атмосфера. Там можно встретить сгорбленную старушку, выгуливающую собачку; придворного сфинкса и уличного кукольника; Дуремара, несущего куда-то склянки и сачок, а также грустного, задумчивого Пьеро в узнаваемом наряде с длинными рукавами. Все они немного чудаковаты, „не от мира сего”. Неординарные и искренние, застывшие в характерных позах, как в детской игре „Замри!”, но предназначенные не для игры, а для художественного украшения интерьера или городского ландшафта.

Выразительность черт лица, жест, поза – именно это делает авторскую куклу Романа Шустрова неповторимой. „Я не делаю абстрактные вещи. Все работы основаны на человеческом образе. Это может быть фигура или просто лицо. Почти все кукольные скульптуры у меня с закрытыми глазами – как бы находятся внутри себя, своих мыслей и чувств. Куклы, как и петербуржцы, все такие скрытные, сами в себе.”* Даже серо-бежевую окраску своих скульптур цвета труб, асфальта и потемневшего снега

художник выбирал под стать оттенкам петербургской погоды. Прототипы своих персонажей он находил на улице, в кафе, чутко замечая всё вокруг: „Неожиданный персонаж, который всплывает за углом, своим профилем или необычной шляпкой, изломом фигуры или взглядом может вдохновить меня на создание новой скульптуры или игрушки”.

Последним проектом художника, который он начал в прошлом году, был проект „Остров мастеров”. Он хотел облагородить Матисов остров – запущенный уголок старого района Петербурга – Коломны. Мечтой Романа Шустрова было превратить это забытое Богом место в остров доброты и любви. Открыть там мастерские для художников, скульпторов, кузнецов и текстильщиков. Вдоль берегов реки Пряжки разместить скульптуры малой формы, а на пустыре – восстановить исторический символ Петровской эпохи – мельницу финского мельника Матиаса, именем которого и назван остров.

Мастер ушёл, но остались его работы – кукольные скульптуры, зарисовки, картины, графика, композиции из дерева. Душевные работы, глубокие – как у Рембрандта, когда всё вроде просто, а смотришь – и переполняешься теплом происходящего, и это запоминается навсегда.

Страница волшебника-сказочника на *Facebook* переполнена сегодня искренними высказываниями: „Желание обнять весь мир, сделать всех счастливыми – это всё Вы, Роман Иванович!”, „Душа города. Волшебный петербургский художник. Добрый, пронзительный и светлый”

Петербуржцы собираются почтить память о скульпторе Романа Шустрове

установкой его работы „Старушка с собачкой” в сквере на пересечении улицы Лабутина и Пряжильного переулка, а также назвать этот сквер его именем.

Сам художник говорил о ней так: „Очень важное и сильное впечатление детства, которое не отпускает до сих пор, – образ ленинградской сгорбленной старушки с маленькой, вечно дрожащей собачкой на верёвочном поводке. Одна нога старушки была в ортопедическом ботинке. В руке – ветхий ридикюль. Я всегда её встречал около Таврического сада. Она неизменно улыбалась мне сквозь вуалетку добрейшей улыбкой, по-старчески тряся головой. *Добрая фея*”.*

Друзьями и поклонниками его таланта уже создан документальный фильм памяти художника „Сказочный мир Романа Шустрова”, фоном для которого избрана песня Бориса Гребенщикова „Сокол”, как будто специально написанная о создателе Петербургского ангела:

*„Если долго плакать возле мутных стёкол –
высоко в небе появится сокол,
появится сокол высоко над тучей.*

*В это время важно не упустить случай
увидеть его крылья, увидеть его перья
и вдруг удивиться: „А кто это теперь я?
И почему внизу туча, а надо мной ясно?*

*Видимо, я плакал совсем не напрасно.
Видимо, вот – оно, пришло моё время,
а внизу медленно идёт моё племя.*

*А мне лететь выше, а мне лететь в Солнце
и все-таки вспомнить, что внизу оконце
с мутными стеклами, в которые бьются
милые мои... Сгореть и вернуться!..”*

*Светлана Ночка
фото Бориса Иматовича*

* фрагменты из книги Романа Шустрова
„Я – кукольник”

Иркутские зарисовки

Благодаря археологическим находкам мы знаем, что на том месте, где сейчас находится Иркутск, люди жили уже около 50 тысяч лет назад! А современный Иркутск начинался с небольшой крепости – острога – заложенной в 1661 году. Проведя опрос среди десятков молодых людей, изучающих русский язык как иностранный, мы выяснили, что этот город и сегодня входит в тройку *must see* среди городов России.

Место на берегу Ангары при впадении в неё реки Иркут оказалось пригодным для земледелия, по реке можно было добраться до Енисея и Байкала. Иркутский острог был одной из многочисленных крепостей в Восточной Сибири, построенных для сбора налога с местных племён и, соответственно, для обороны от этих племён, которые налог платить не желали.

Со временем в крепости построили церковь, заложили мужской монастырь, места внутри ограждённого пространства уже не хватало, и народ стал се-

литься за стенами острога – поселение разрасталось, и в 1686 году Иркутску был присвоен статус города. После урегулирования российско-китайских отношений с 1698 года через Иркутск потянулись торговые караваны на пути в Китай. Из Сибири везли пушнину, из Китая через реку Селенгу и Байкал – чай, сахар и ткани.

Иркутск – один из древнейших городов России, но первый каменный жилой дом появился в нём только в 1745 году. Отмена царской монополии на экспорт пушнины в 1762 году открыла „золотой век” иркутского купечества. Крупнейшие купеческие династии разбогатели на российско-китайской торговле, скупая и перепродавая пушнину. Другим источником их обогащения было участие в поставках провианта и металла для государственных нужд, а полученными из казны деньгами купцы делились с чиновниками, так что практика „откатов” имеет в России многовековую традицию.

К концу XVIII века купечество стало играть ведущую роль в гражданской жизни Иркутска. Крепли традиции благотворительной деятельности купцов, на средства которых строились и содержались церкви, приюты, больницы,

школы, театры, библиотеки. Фамилиями известных купцов впоследствии стали называть улицы: Баснинская, Ланинская, Медведниковская, Мыльниковская и другие.

К концу XVIII века прежде патриархальный Иркутск стал приобретать облик европейского города, где развивалась культура, появилась современная одежда, большинство мужчин уже коротко стриглось и брило бороду. В 1840-е годы Иркутск превращается в „столицу ленского золота” (на берегах сибирской реки Лены открыли месторождение золота. – *Ред.*), место концентрации капиталов золотопромышленников. В эти годы в город прибыл первый пароход, были открыты институт благородных девиц, театр.

Регион интенсивно развивается, создаются прогрессивные планы, но для их реализации катастрофически не хватает рабочих рук. Однако после 1863 года в распоряжении администрации Восточной Сибири оказалось достаточное количество дешёвой рабочей силы: в Иркутск прибывают ссыльные поляки.

После восстания 1863 года в Сибирь было сослано по разным данным от 18 до 22 тысяч участников восстания, из них в Иркутскую губернию – около 11 тысяч, в основном это были представители интеллигенции и ремесленники. Часть их находилась на каторжных работах, остальных расселили по деревням, где они просто голодали, так как не могли найти средств для пропитания.

Непривычный сибирский климат и тяжёлый труд привели к тому, что многие ссыльные умирали от чахотки, а измученные тяжёлым трудом и грубым отношением выжившие подняли восстание, но оно потерпело сокрушительное

Княгиня Екатерина Трубецкая

поражение. Последние повстанцы сдались превосходящим силам казаков.

В иркутскую тюрьму привезли свыше шестисот поляков. По решению военно-полевого суда семь человек было приговорено к расстрелу, но губернатор утвердил расстрельный приговор только для четверых из них. 60 повстанцев приговорили к каторжным работам на 12 лет, 95 были избавлены от наказания, остальные отправлены на поселение в отдалённые места Сибири. 15 ноября 1896 года приговорённых казнили. Место захоронения расстрелянных поляков в Знаменском предместье Иркутска было найдено иркутскими краеведами Александром Дуловым и Болеславом Шостаковичем в 2004 году. На этом месте установлен памятный камень и католический крест.

Это не единственный памятник казнённым в Иркутске. На льду Ангары в феврале 1920 года был расстрелян лидер белого движения – Александр Василье-

вич Колчак. Его тело было сброшено под лёд, поэтому могилы Колчака не существует, но памятник Колчаку был установлен на берегу красавицы Ангары в 2004 году.

До революции Иркутск часто называли „Сибирскими Афинами”, „Восточным Парижем” и „Петербургом Сибири”. Город украшали купеческие особняки, здания церквей, банков и гостиниц. Некоторые из них и сейчас придают Иркутску особый колорит, а на месте некоторых дореволюционных построек красуются сооружения времён социализма. Например слой земли на площади Кирова, на которой построен Дом Советов, – это остатки великолепного собора, который был снесён в 1932 году. Рядом находится католический костёл, построенный сосланными поляками.

Надо сказать, что Иркутск долгое время был местом ссылки для политических преступников. В частности, туда сослали участников восстания декабристов 1825 года, в честь которых здесь впоследствии был открыт музей. Стоит вспомнить героиню поэмы Некрасова „Русские женщины” – княгиню Трубецкую, похороненную в Иркутске. Она первая последовала за своим ссыльным мужем декабристом в Сибирь, где он отбывал 13-летнее наказание на каторге. Когда его освободили, они жили в Иркутске, где она и умерла. Позже муж был помилован и вернулся назад в Москву, оставив на кладбище иркутского Знаменского монастыря могилы своей жены и троих детей.

Большинство туристов приезжает в Иркутск, чтобы оттуда выбраться на Байкал – глубочайшее озеро планеты Земля с уникальной флорой и фау-

ной. Но уверяю, что вы не пожалеете о времени, проведённом в этом городе. Здесь есть что посмотреть и кроме архитектурных исторических памятников. Чего стоит один „Сто тридцатый квартал”! Это место, где было решено воссоздать исторический центр. Домами здесь было всё застроено уже в начале XVIII века. Жителей старинных домов переселяли в квартиры, а старые дома стали восстанавливать и дополнительно строить новые по старому плану. В результате „Сто тридцатый квартал” – это огромный торгово-развлекательный комплекс под открытым небом.

В самом начале „Сто тридцатого квартала” стоит удивительная скульптура: явно хищный странный зверь с соболем в зубах. Это „Бабр” – изображение с герба Иркутска. „Бабыр” в переводе с тюркского означает „чёрный барс”. Такой герб был выбран для города по той причине, что барс и соболь – самые необычные звери для центральной России. А в 1880 случилась эпичная ошибка: господы, которые решили улучшить гербы России, неправильно прочитали слово „бабр” и посчитали, что это бобр. Получился новый герб: „В серебряном щите чёрный бегущий бобр с червлёными глазами, держащий во рту червлёного соболя”. Бобру оставили кошачью голову, а хвост перерисовали под бобриный. В 1997 справедливость восторжествовала, и Иркутску вернули бабра, но хвост специально решили оставить чуть похожим на бобриный. Так и возвышается над площадью этот чудо-зверь, олицетворяя природную силу и жизнелюбие сибирского города Иркутска.

Ирина Рыхлицкая

Лето в банке

Поспевающие летом плоды – дары природы – испокон веков готовили с запасом на зиму. В России из-за достаточно сурового климата это было жизненно необходимо. Читая русскую литературу, мы видим, что авторы часто „балуют” своих героев пирогами с фруктами, разного рода вареньями. Его варили на меду, на патоке или на сахаре, фруктовое, ягодное и даже из овощей.

Варенье считают национальным „блюдом” на территории России. Каждая хозяйка имела свой особый фирменный рецепт „лета в банке”. Редко в какой книге писатели не сажают героев за стол пить чай с вареньем и вести разговоры. Да и сами они были неравнодушны к сладкому лакомству.

До появления сахара в России, точнее до строительства собственного сахарного завода в Туле в начале XIX века, варенье варили чаще на меду. Заграничный сахар был слишком дорогим удовольствием для большинства. Но иногда варенье „варили” и без мёда, да и варкой этот процесс назвать сложно: ставили в протопленную русскую печь котелок с ягодами или фруктами, и уже без огня на протяжении нескольких часов они „уваривались” более чем в 6-8 раз.

Варенье варили не только в крестьянских семьях. Скажу вам даже больше: варка варенья входила в обязательное обучение благородных девиц. В каждой семье были свои рецепты и сорта – на это влияла и материальная составляющая, и место расположения усадьбы, и вкусы семьи. Так, в имении писателя Николая Некрасова варили варенье из жимолости, а в усадьбе Александра Грибоедова „Хмелита” гостей угощали вареньем из ...моркови.

Придумывались и новые виды варки. Правда, с внедрением новаторских идей поначалу было туго. О том, как приготовить варенье без воды, написал Лев Толстой в „Анне Карениной”: „Нынче там варилось варенье по новой для Агафьи Михайловны методе, без прибавления воды. Кити вводила эту новую методу, употреблявшуюся у них дома. Агафья Михайловна, которой прежде было поручено это дело, считая, что то, что делалось в доме Левиных, не могло быть дурно, всё-таки налила воды в клубнику и землянику, утверждая, что это невозможно иначе; она была уличена в этом, и теперь варилась малина при всех, и Агафья Михайловна должна была быть приведена к убеждению, что и без воды варенье выйдет хорошо”. В усадьбе писателя был огромный сад с разными сортами яблок, слив, клубники, малины – потому и готовились варенья в большом количестве и по самым разным рецептам.

В родовом имении Сергея Есенина был небольшой, но роскошный яблоневый сад. Матушка поэта Татьяна Фёдоровна варила необыкновенное яблочное варенье из антоновки (сорт яблок), где золотистые дольки плодов, словно золотые рыбки, плавали в прозрачном сиропе.

Поэт Александр Блок любил варенье из одуванчиков. Его жена – дочь из-

вестного химика Дмитрия Менделеева – Любовь Менделеева готовила также варенье из чёрной смородины и крыжовенное с апельсинами по семейным рецептам. Необычное варенье готовили в роду Фёдора Достоевского – из цветков липы. Цветки для него надо было собирать обязательно в сухую погоду, отдельно проваривать отвар из цветков, отдельно – сироп.

В семье Михаила Пришвина каждый год варили варенье из брусники и яблок, известное как Дунинское варенье – по названию имени писателя. Яблоки были основой и для фирменного Лебедянского яблочного варенья с мятой в родительском доме писателя Евгения Замятина – автора романа-антиутопии „Мы”. Готовили совсем не утопическое варенье из спелых ароматных яблок и свежей мяты, и только в прозрачном сиропе.

Антон Павлович Чехов тоже был поклонником летнего лакомства в банке. В его доме всегда было варенье из вишни и черешни. Яблочное варенье же готовили из половинок спелых и сладких яблок с палочкой корицы. Причём, половинки яблок должны быть проварены до прозрачности, и при этом не потерять своей формы. Их складывали в банки, а затем заливали густым сиропом.

Матушка Ивана Тургенева готовила для любимого сына варенье из луговой клубники с гуляфной водой. А гуляфная вода – ни что иное как розовая. В имении писателя Спасское-Лутовиново был красивый и большой розарий, именно из лепестков роз тёмных сортов и готовилась гуляфная – розовая – вода.

Климатически Россия очень разная, географию и видовое разнообразие можно проследить по рецептам и популярности варенья: так в Сибири можно

встретить варенье с шишками, кедровыми орешками, а на Кавказе – из инжира или зелёных грецких орехов, на севере популярны варенья из брусники и клюквы. Но, возможно, самым любимым вареньем остаётся – малиновое, которое как раз и варится без воды.

Рецепт от Софьи Андреевны Толстой

400 гр померанцев или горьких апельсинов

800 гр сахара

6 чайных ложек воды

2 целых лимона

На 400 гр померанцев взять 800 гр сахара; на каждые 400 гр сахара – по три чайные ложки воды. С померанцев срезать кожуру (как можно тоньше) и изрезать её длинненькими кусочками, очистить всю белую кожу. Померанцы нарезать кружочками, вынимая зёрнышки. Выжать сок из двух лимонов, а кожу обрезать и изрезать. Сперва положить сахар, налить водою, положить кожу и варить; потом положить померанцы.

Брусника с яблоками – Дунинское варенье

1 кг брусники

0,5 кг антоновских яблок

1,5 кг сахара

2 стакана воды

Ягоды перебрать и сполоснуть холодной водой. Высушить досуха на полотенце. Сварить сахарный сироп и опустить туда ягоды. Варить 20-30 минут, затем добавить очищенные от кожуры и семян яблоки, разрезанные на 4 или 8 частей, и довести до кипения. Необходимо следить, чтобы яблоки не потеряли форму.

Светлана Агошкова

ЖИЗНЕННОЕ

Лечу как-то давно в Барселону. Я один и как пассажир, и с точки зрения семейного статуса. А значит любая соседка – потенциальный вариант. Жду. Проклинаю понты, так как все красивые проходят в экономе. В бизнесе строгие мужчины. Ну ок. По делу познакомлюсь. Но и тут не мой день.

Рядом садится этакая тётушка. Напомнила соседку по даче, которая жила непосредственно в теплице, но только разодетую, как будто только что ЦУМ вынесла целиком. Со всеми на „ты“.

Знакомство со мной она начала забористым чтением мыслей: „Чего такой кислый? Или думал, что соседка помоложе будет?“.

Я кое-как нашёлся: „Долго лететь, книгу забыл... грущу“. „Да брось ты, со мной не заметишь, как долетишь“.

В этот момент я понял, что точно замечу. Далее последовал нескончаемый спич о том, куда она летит, зачем, почему всё не так и т.д. Перед началом кормления она вдруг перешла на шёпот: „Санёк, ты это, от самолётной-то еды откажись, сейчас нормально пообедаем, водочки попроси только“.

И тут она натурально достаёт из чемоданчика *LouisVuitton*... да-да курицу в

фольге, варёные яйца, пирожки, чёрный хлеб, сало, чеснок, лук, солёные грибы и, мать его, ХОЛОДЕЦ!

Вид рук, усеянных бриллиантами и изумрудами, расставляющих весь этот гоголевский набор по столу, я не забуду никогда: „Всё своими руками. Я кучу домработниц перепробовала, но они только посуду мыть умеют. Ну, милости прошу к нашему шалашу. Санёк, ты водку-то достал?“. „Водки нет, есть виски, коньяк и шампанское.“. „Ага...Бери всё“. Через час я был настроен петь русские народные песни.

Говорила она исключительно готовыми цитатами. Одну не забуду:

– Санёк, запомни, кончится Россия, когда бабы холодец разучатся варить. И ещё, если баба холодец варить не умеет, она и в койке Дзержинский.

– Почему Дзержинский? – заплетающимся языком уточнил я.

– Железная. Ох, я раньше была по этому делу... Ладно...рано тебе про такое слушать, молодой ещё.

Взгрустнула, немного поностальгировала, посмотрела на меня тепло, не стала впадать в тоску, улыбнулась, махнула рюмку ещё и уснула.

Жизнь надо любить, как она. Тогда жизнь ответит взаимностью.

<https://tabor.ru/>

Redaktor naczelny: p.o. Irina Kornilcewa

Zespół autorski: Swietlana Bill, Svetlana Agoshkova, Faina Nikolas, Ewa Marciniak, Julia Popowa, Irina Rychlicka, Wioletta Wiernicka, Ion Melnic.

Wydawca: Mobilux-West Sp. z o.o.

Telefon: 0 609 536 701

e-mail: europa.ru@wp.pl

www.europaru.wordpress.com

Poglądy autorów nie zawsze są zbieżne z poglądami redakcji. Za wiarygodność faktów odpowiadają autorzy. Redakcja nie zwraca tekstów niezamówionych oraz zastrzega sobie prawo ich redagowania, skracania i zmiany tytułów.

© Европа.RU

www.capricespb.ru

Наши предложения о досуге в Санкт-Петербурге безграничны.

Туры в Санкт-Петербург и пригороды, школьные и праздничные туры, новогодние программы, организация индивидуальных туров, бронирование гостиниц и многое другое...

В 2016 году фирма была удостоена российской премии „Лидер туриндустрии” в номинации „Лучший туроператор года”.

Мы ждём туристов из Польши!